

«НЕЛЬЗЯ ОПУСКАТЬ РУКИ»

Интервью с восходящей звездой российского кино Евгенией Добровольской

Она вошла в кинематограф уверенно и дерзко, сыграв главную роль в фильме «Клетка для канареек», когда ей было только семнадцать... С тех пор прошло десять лет. Сегодня Женя Добровольская — одна из ведущих актрис Художественного театра имени Чехова, на сцене которого играет в «Чайке», «Амадее», «Играх женщин»... Продолжается путь и в кинематографе...

ринмажерской, которая к финалу наименовала героиню классической трагедии.

— Написана она была проще. Оторва и оторва... Мы с режиссером сразу решили, что она — не такая, что она загадочна, прекрасна, необычна. Отчаянно переделывали текст, одну из сцен я вообще всю переписала — мне нужны были человеческие слова. Игорь, слава Богу, понимал меня, как и я его. Только однажды сказал: «Остановите Добровольскую, она весь сценарий переписшет!»

— Женя, верно ли, что, когда вы работали в Художественном театре имени Горького, его художественный руководитель Татьяна Васильевна Дорониная однажды с изумлением воскликнула: «Не понимаю, какое у тебя амплуа!»

— Да, верно, и мне показалось в эту минуту: Татьяна Васильевна знает, что я могу играть все.

— Смелая позиция!
— Идущая, поверьте, не от излишней самоуверенности. Я работаю в кино, на сцене около десяти лет и сегодня уже могу в какой-то степени осознать свои возможности, силы, не попускаясь на завышенную самооценку. Я говорю лишь о том, что рамки определенного амплуа — не мой удел...

— Вас действительно иногда трудно вообще узнать, даже тем, кто не раз видел вас на сцене или в кино. Должна признаться, нечто подобное как-то произошло со мной во время демонстрации телефильма «Когда мне будет пятьдесят четыре года».

— Меня и мама не узнала, за что я особенно люблю эту работу, хотя это был, по сути, только эпизод. Но хотелось вставить в него непростую женскую судьбу, сыграть так, чтобы появилась не очередная парвеню из современного «бомонда», а женщина, которая, конечно, далеко не праведница, но несправедность ее от того, что она не хочет, не умеет мириться с унижением.

— Вы сказали: «Не хочет, не умеет мириться...» Я бы догадалась: как и большинство ваших героинь. Не могу представить вас тихой, покорной, все принимающей и на все согласной. В вас всегда наблюдалось стремление жить по своим законам. И это началось с первой работы, с Олеси в «Клетке для канареек», где вы снимались еще совсем неумелой девочкой.

— Мне было тогда семнадцать лет, я действительно ровно ничего не умела, не знала, как двигаться, говорить, что делать... А как режиссер мучился со мной! Попала я в этот фильм, в общем, случайно, чудо какое-то произошло. Позвала меня одноклассница, сказав, что на «Мосфильме» ищут девочку лет пятнадцати-шестнадцати, причем на главную роль. И мы поехали... Там меня отобрали для фотопробы, сняли... Потом два месяца молчания — и вдруг вызов, опять фотосъемка, затем первая встреча с режиссером...

— Но ведь до того вы уже отучились какое-то время в Ленинградском театральном институте?

— И такое было. Я — москвичка, после окончания школы уехала в Ленинград. Там набирал актерский курс Игорь Владимиров, он мне необыкновенно нравился, по-моему, я была тогда просто влюблена в него, в этого большого, красивого, седого человека.

— Поступили, а потом все-таки ушли, вернулись в Москву?

— Не сложилось. Чужой город, обиделось. Я — маленькая, шестнадцать лет. Тоска по родным... В Москве пришлось начать все сначала. Поступила в ГИТИС к замечательному педагогу Владимиру Леверову.

— Вам помогло то, что за плечами уже была главная роль в кино?

— Нет, я поступала летом, а картина вышла зимой, никто не знал о моих кинематографических забавах.

— Зато очень скоро узнали: вы продолжали сниматься и в студенческие годы...

— ... за что меня трижды исключали из института, хотя я была отличницей. Нам это строго запрещалось. Обидно: в зачетке одни пятерки, а тебя выгоняют!

— Все же вас это не останавливало.

— В кино было интересно работать — и я удирала. Был у меня тогда фильм в Одессе «Почка не выпал снег», я играла там девочку из детского дома.

— У многих ваших героинь почему-то сиротские биографии.

— Хотя на самом деле я из самой нормальной московской семьи. Мама, папа и старшая сестра — все окончили Институт химического машиностроения, одна я в актрисы пошла.

— А как они к этому относятся?

— До сих пор пытаются постигнуть мой странный образ жизни — ненормированный рабочий день, вечерние, часто до поздней ночи репетиции, ночные съезки.

— Как вы справляетесь с этим? У вас два маленьких сына!

— Меня постоянно точит мысль: с кем я их сегодня оставлю? Особенно, если вечером спектакль или съезка. Иногда мама помогает, а иногда... Практически моя зарплата уходит на содержание нянь.

Когда я окончила институт, ходила показываться в театры со старшим сыном на руках. Оставлю его на улице в коляске, попрошу какую-нибудь подружку побыть с ним, пока я прочту что-то режиссеру. Сама-то все время нервничаю. Подбегаю к окну, выглядываю. Или на улицу выбегу — как он там?

— Но это не помешало вам получить приглашения в два престижных московских театра, вы выбрали Художественный театр имени Горького, где начался ваш путь на сцене.

— Я там довольно много играла — от Митиль до Манюшки в «Зойкиной квартире». А позже что-то затосковала, пошла к Олегу Павловичу Табакову. Он — потрясающий мастер, все мои работы видел. Словом, я пришла к нему и сказала: «Хочу к вам в театр!» «Ты выросла, повзрослела», — ответил Табаков после моего показа. И взял в свою труппу.

В театре Табакова сниматься тоже не разрешали: труппа маленькая, репертуар большой. В Художественном я еще как-то сбежала, а здесь не вырваться. И в это время получаю от прекрасного режиссера Игоря Минаева сценарий «Первый этаж» с приглашением на главную роль. Попросила Олега Павловича отпустить меня: «Мне это нужно!» «Тебе это не нужно», — отказать он. И тогда я... уехала в Ленинград на съемки. Потом это обернулось для меня суровой карой: когда вернулась, меня сняли с роли Наденьки в «Обыкновенной истории».

— Не жаль было?

— Жаль. Но, повторюсь все опять, я бы поступила так же. Я прочла сценарий «Первого этажа» и поняла, что все это мое. Коммунальная квартира, комната без обоев, без мебели, без абажура... Вся наша страна жила в таких условиях.

— Однако, кроме голых комнат без обоев, был еще очень сложный характер вашей героини Нади, уборщицы из па-

— Вам удалось найти контакт с Еленой Цыплаковой, у которой вы снимались в картине «На тебя уповаю»?

— Мы обе к этому стремились. Прежде мы не знали друг друга, познакомил нас Владимир Ильин, удивительный артист и дивный человек, мой партнер в трех картинах, так что первая встреча с Леной была как бы освещена его присутствием.

— Роль трудная: Алла молчит всю первую половину картины, ее оружие — взгляд, пластика...

— Тем интереснее! Я знала, что могу это играть: прех и покакаяние.

— Алла искупает свое прошлое — брошенное дитя, работа в Доме ребенка, в жутких условиях среди жутких людей, тем не менее пытается помочь несчастным, обездоленным детям. Помогало ли вам при этом ваше материнское чувство, мысль о ваших сыновьях?

— Нет. Обычно я стараюсь отключаться от фактов собственной жизни, особенно в театре. Я прихожу задолго до начала спектакля, забываю о доме, о семье. В эти минуты существует пьеса, моя героиня, живущая в тех или иных обстоятельствах, взаимоотношениях. Я не хочу принести из дома свои настроения, состояния, играя, например, Констанцию в «Амадее» или Нину Заречную в «Чайке»...

— Вы и Нину Заречную играете в противостоянии личности миру, который она отказывается принять. Как бы вы ни отрешались от самой себя, видимо, такое стихийное сопротивление чужим нормам, истинам — свойство вашей натуры?

— А может быть, начало такому сопротивлению в той жизни, какой мы с вами сегодня живем? Я — пессимист, часто владаю в депрессию, иногда сама не понимаю, как я живу. Двое детей, цены стремительно летят вверх, мизерная зарплата у актеров, страшная бытовая неустроенность. Мы с мужем, Михаилом Ефремовым, все вообще начинали с нуля — с вилочек, ложек, плошек. А ведь как хочется купить детям дорогие игрушки, дать им хорошее образование. И все это деньги, деньги, которых нет...

Думаю, это знакомо большинству наших женщин, чем бы они ни занимались. И все же нельзя опускать руки, впадать в бессилие, сдаваться.

— Но вам-то грех жаловаться! За роль Нади в «Первом этаже» вы, единственная из отечественных актрис, получили Гран-при на кинофестивале «Звезды завтрашнего дня» в Женеве. И Гран-при за лучшее исполнение женской роли на фестивале «Золотой Дюк» в Одессе в 1990 году.

— Да, а проблема все равно остается, и решать ее нынче очень сложно. На хорошие, настоящие, честные картины нет денег, а на плохие они почему-то находятся. Сниматься же в таких фильмах — только терять себя. Терять себя не хочу — и жду, жду, жду...

Беседу вела
Эльга ЛЫНДИНА.